

УДК 81

**О РЕФЕРЕНТНОМ И НЕРЕФЕРЕНТНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ
МЕСТОИМЕНИЯ МЫ**

© 2008 г.

И.Ю. Гранева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 27.05.2008

Анализируется референтное и нереферентное употребление местоимения *мы* в дискурсах разного типа, которые разграничиваются по наличию или отсутствию для местоимения *мы* дейктической функции. Рассматриваются разновидности указанных типов употребления в зависимости от характера речевой ситуации и денотативного статуса участников коммуникации.

Ключевые слова: дискурс, местоимение *мы*, дейктическая функция.

Проблема описания семантики местоимений является одной из трудноразрешимых проблем лингвистики в силу сложности и противоречивости самого объекта описания, который, с одной стороны, «ничего не означает» в денотативном плане в том смысле, в котором, например, «означает» обычное существительное или прилагательное, а с другой стороны, в классе местоимений, по мнению Н.Ю. Шведовой, «сосредоточены и абстрагированы понятия (смыслы, «идеи») живого и неживого, личности и неличности, движения, его начала и завершения, предельности и неопредельности, частного и общего, количества, признака сущностного и приписываемого, собственности и несобственности, совокупности и раздельности, совместности и несовместности, элементарных и в то же время главных связей и зависимостей» [7].

Иначе говоря, не обозначая конкретных лиц, объектов или признаков, система местоимений, тем не менее, играет важнейшую роль в языке, так как представляет собой «арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом; этим определяется роль местоимений в системе других классов слов» [7]. При этом особенность «предельно абстрактной семантики» местоимений заключается в том, что она конкретизируется в результате сложного взаимодействия явлений разных уровней – непосредственного речевого контекста употребления, коммуникативной характеристики речевой ситуации в целом и статуса ее участников, а также механизмов его референции, которые, вслед за Е.В. Падучевой, понимаются нами как «механизмы, позволяющие связывать речевые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями дел в реальном мире» [4].

В связи с этим С.А. Крылов выделяет три возможных направления в описании семантики местоимений: «указательное» (дейктическое), «заместительное» (анафорическое) и «референциальное» [3]. Как нам представляется, эти три направления не противоречат друг другу, так как все они на деле так или иначе сводятся к особенностям референции. Ведь, например, «указание на лицо» как на участника коммуникации для личных местоимений есть, по сути, референция к лицу, а, например, анафорическое «замещение» лично-указательным местоимением *он* лица или объекта в предшествующем тексте также есть референция к этому лицу или объекту.

Не случайно специфику местоимений Е.В. Падучева видит именно в том, что они выступают как «главное средство референции» в системе языка: «местоимения и есть тот класс слов, который несет на себе главный груз конкретной референции. <...> Обращение к референциальным аспектам высказывания показало, что местоимения, не являясь грамматической группировкой слов (частью речи), образуют, однако, лексико-семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотносительности высказывания с действительностью» [4].

Все вышеизложенное, несомненно, справедливо и для такой функционально-семантической разновидности местоимений, как **личные местоимения**. Именно в связи с особой референциальной нагрузкой личных местоимений многие ученые считают терминологическое «личное» неудачным: ср., например, мнение Е.В. Сидоренко: «Сам термин «личные» мы

не считаем удачным, так как местоимения 3-го лица коррелируют с названиями не только лиц и животных, но и предметов. Учет подобных свойств позволяет присвоить данному подразряду название предметно-личных» [5].

В многоступенчатой классификации местоименных слов, представленной в работах Н.Ю. Шведовой, личные местоимения относятся к классу «определенных местоимений», наряду с другими местоимениями, традиционно относимыми к указательным, возвратным и притяжательным местоимениям, – к подклассу местоимений, обозначающих ‘лицо’ (*я, ты, мы, вы*) или ‘лицо и не-лицо’ (*он, она, оно, они*). Нетрудно заметить, что имеется в виду именно референциальная определенность – в терминологии Н.Ю. Шведовой, «данность, реальность, собственно существование» [7].

В классификации С.А. Крылова «личные местоимения» относятся к разновидности дейктических местоимений – так называемых «ситуационно-дейктических местоимений», которые «отсылают к участникам данного речевого акта или к речевой ситуации... Как правило, дейктические местоимения являются определенными, т.е. выражают презумпцию существования и единственности объекта в общем поле зрения говорящего и слушающего и, таким образом, соотносятся с определенным референтом, который в рамках данного акта речи индивидуализован» [3]. Как видим, и здесь представлена референциальная трактовка этого типа местоимений.

В настоящей работе мы сохраняем традиционный термин «личные местоимения», поскольку подлинно «личными» местоимениями являются только местоимения I и II лица (местоимения III лица не случайно часто относят к лично-указательным или предметно-личным [5]), а эти местоимения, безо всякого сомнения, выражают референцию именно к лицу как к участнику коммуникации в качестве своей базовой функции.

Семантика личных местоимений определяется неоднозначно как в словарях, так и в грамматических описаниях русского языка. Однако единственным, в чем сходятся большинство исследователей, является то факт, что личные местоимения выполняют дейктическую функцию – функцию указания на участников речевого общения. Теоретическим обоснованием такого решения является, по нашему мнению, концепция «указательного поля» К. Бюлера, согласно которой само существование личных местоимений в современных языках, равно как их генезис, всецело обусловлены их дейктической функцией по отношению к участникам коммуникации [1].

В этом плане для интересующего нас местоимения *мы* можно указать следующее базовое значение, которое, например, в «Словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова формулируется именно через указание на дейктическую функцию: «Служит говорящему для обозначения нескольких или многих лиц, включая и себя».

Это значение имеет ряд разновидностей. Так, в «Краткой русской грамматике» в качестве первичных значений указывается: «Местоимение *мы* указывает на некое множество лиц, включающее говорящего, например: ‘я и еще одно лицо’, ‘мы вдвоем’ (*мы с тобой, мы с ним*), ‘я и еще несколько лиц’, ‘мы все вместе’ (*мы с вами, мы вместе с вами и с ними*); ‘я в составе неопределенного множества лиц’ (*мы с ними*). При расширительном употреблении местоимение *мы* может указывать на совокупность лиц, коллектив, всех граждан...». А, например, в качестве вторичных значений называются: «1) авторское *мы* (вместо *я*) (так называемая формула скромности): *как мы уже говорили; нам кажется, представляется*; или в старой речи в обращении властителя к своим подданным: *мы, государь...*; 2) *мы* вместо *я* при выражении снисходительного участия, сочувствия, причастности к занятиям или состоянию собеседника: *как мы себя чувствуем? что мы подделываем? как нам живется, как работается?* или как выражение самоуничижения при общении с другим лицом (лицами): *ничего, мы стоим, мы привычные*» [2].

Однако надо отметить, что, во-первых, в многочисленных словарях и научных исследованиях указаны далеко не все случаи возможных контекстных и ситуативных значений местоимения *мы*, а во-вторых, эти значения, заданные «простым списком», смешивают явления разной природы (например, *мы* как указание на непосредственного участника коммуникации и «расширительное» *мы* как совокупность лиц, коллектив, совокупность всех граждан). На наш взгляд, необходимо разграничивать разные типы употребления слова *мы* именно в зависимости от его отношения к выполнению своей референтной функции.

Условно говоря, можно выделить «референтное» *мы* и «нереферентное» *мы*. Это деление примерно совпадает с тем теоретическим обоснованием перехода дейктической функции личного местоимения *мы* в номинативную («указания» в «называние»), которое дает К. Бюлер: «Но, кажется, оно [местоимение *мы* – *И.Г.*] изначально на шаг дальше, чем *я*, удалено от пограничной значимости чистого указатель-

ного знака. Ибо оно как-то требует формирования класса людей; инклюзивное *мы*, например, требует формирования иной группы, нежели эксклюзивное. А формирование класса – привилегия назывных слов, языковых понятийных знаков. Вполне возможно, что элемент единственного числа, который, наоборот, на нашей языковой ступени содержится в *я*, четко проявляется в оппозиции. А именно в оппозиции со специальным знаком, обозначающим двойственность или множественность адресата. И этот четко выраженный элемент единичности с логической точки зрения относится не к чистому указанию, а составляет первый шаг называния» [1].

Главным критерием разграничения «референтного» и «нереферентного» *мы* является его употребление или по отношению к лицам, которые являются непосредственными участниками коммуникации (и тем самым могущими стать объектами конкретной референции), или по отношению к неопределенному множеству лиц, не участвующих в акте коммуникации непосредственно.

Как указывает Е.В. Падучева, «общность семантики слов, которые традиционно относят к местоимениям, состоит именно в том, что все местоимения служат в языке для целей референции» [4]. При этом «личные местоимения» входят в группу слов, в значение которых входит отсылка к участникам акта речи или к речевой ситуации (т.е. слов, выполняющих собственно дейктическую функцию). Поэтому референтное употребление местоимения *мы* следует считать исходным. Однако, как *мы* покажем далее, можно говорить о местоимении *мы* в **первичной** и во **вторичной** референтной функции.

К первичным референтным употреблениям слова *мы* следует отнести такие его употребления, где так или иначе присутствует отсылка к говорящему как непосредственному участнику акта коммуникации. Это прежде всего основное, так называемое «инклюзивное» значение *мы* ‘я и ты / вы’ (*Ребята, мы завтра идем в театр!*), которое может быть эксплицировано в модели *мы с тобой (с вами)*, и основное «эксклюзивное» значение *мы* ‘я и он (она) / они’ (*Мы с Иваном завтра идем в театр!*), которое, в свою очередь, может быть эксплицировано моделью *мы с ним (с ней) / с ними*.

Вторичные референтные употребления *мы* связаны с особыми типами коммуникативных ситуаций или особым статусом участников коммуникации, при котором *мы*, в режиме косвенного речевого акта, следует трактовать как ‘ты’ или ‘вы’. Это, например, ситуация с во-

просом доктора пациенту: *Как мы себя чувствуем?* (= *Как ты себя чувствуешь?*), где исходное, I лицо присутствует лишь в качестве потенциальной семы, или *мы* в значении ‘вы’ в ситуации объявления учителя ученикам: *Завтра мы пишем контрольную* (= *Завтра вы пишете контрольную*). Еще одна разновидность такого употребления *мы* характерна для разговорной речи, шуточного, фамильярного типа речевой ситуации, где *мы* = *ты* или *он*. Так, фраза: *Как мы выросли* – по отношению к ребенку может быть обращена к самому ребенку (*ты*), и по отношению к его родственнику (*он*); аналогичный тип употребления *мы*, когда фраза может быть сказана самой матерью про своего ребенка: *А мы уже умеем говорить (он)*. Отметим, что во всех указанных случаях меняется объект референции, закрепленный за этим местоимением в обычных, нейтральных контекстах.

Другой тип вторичных референтных употреблений тоже характеризуется сменой объекта референции, но уже с *мы* на *я*, и также связан или с изменением типа речевой ситуации, в широком смысле – типа дискурса: *мы* «научное», *мы* «публицистическое» или «писательское», или с особым статусом участников коммуникации: *Мы, Николай II...* в царской официальной речи прошлого времени или *мы* «мещанско-крестьянское», как знак приниженного социального положения, тоже устаревшее: – *Откуда ты родом? / – Псковские мы...*; в эту же группу входит просторечно-разговорное употребление *мы* «социальной или психологической значимости» типа: *Знаем мы вас...*

Нереферентное употребление *мы* связано с отсутствием отсылки к непосредственному участнику речевой ситуации, когда *мы* обозначает неопределенное множество людей, не подлежащее параметризации по объему — в этом случае можно говорить о своего рода вытеснении дейктической функции номинативной функцией. Е.В. Падучева выделяет следующие типы нереферентных употреблений (они именуются «денотативными статусами»): экзистенциальные (в разновидностях: дистрибутивные, неконкретные, общеэкзистенциальные), универсальные, атрибутивные, родовые [4].

Мы не может по природе своей выступать в **атрибутивном** нереферентном употреблении, поскольку этот тип нереферентного употребления предполагает указание на характерный признак предмета. Однако *мы* может реализовывать другие типы нереферентного употребления.

В частности, **экзистенциальное** нереферентное употребление *мы* (соответствует квантору существования: *есть некоторые S...*, су-

ществуют S...) предполагает, что это употребление очерчивает некий класс лиц, объединяя говорящего вместе с лицами одного с ним круга, одних с ним взглядов, убеждений и т.п.: *Мы, граждане великой России, ...* Здесь мы примерно означает: 'я + определенная группа людей'; его можно условно именовать «ценностным», «идеологическим» *мы*. К нему примыкает так называемое «рекламное» *мы* типа: *Мы уже открылись!* (в рекламном слогане).

Универсальное нереферентное употребление *мы* (соответствует квантору всеобщности: *все S..., для всех S...*) предполагает указание на множество всех лиц, включая говорящего, и реализуется в так называемом «обобщенно-личном» *мы*: *Для чего мы живем на этой земле?* (= *Для чего все живут...*).

Возможность нереферентного употребления *мы* активно эксплуатируется в художественной литературе, где в определенных контекстах *мы* подвергается «лексикализации». Примером этому является роман Е. Замятина «Мы», где местоимение имеет номинативное значение 'все жители Единого Государства, разделяющие господствующий в нем образ мышления и поведения, его нормы и принципы'. При этом *мы* получает ярко выраженную положительную ценностную коннотацию, отсутствующую в общеязыковой семантике этого местоимения. Такое нереферентное употребление можно назвать **родовым**, т.к. оно соотносится с обозначением четкого класса лиц, выделяемого из

других и противопоставляемого другим классам по наличию отличительных характерных признаков. Подобному употреблению соответствует так называемое «поэтическое» *мы*, например, в стихах «левых» поэтов эпохи революции (Маяковский, Асеев, Безыменский и др.).

Список литературы

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. // Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993. С. 528.
2. Краткая русская грамматика / Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др.; Под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. М.: Русский язык, 1989. С. 639.
3. Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика: Межвузовский сборник научных трудов. Владимир: ВГПИ, 1989. С. 5–12.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
5. Сидоренко Е.В. Семантические разряды местоимений современного русского языка // Русские местоимения: семантика и грамматика: Межвузовский сборник научных трудов. Владимир: ВГПИ, 1989. С. 18–25.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. М.: Терра, 1996. Т. II.
7. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

ON REFERENTIAL AND NON-REFERENTIAL USAGE OF THE PRONOUN «WE»

I.Yu. Graneva

The work is devoted to the problem of referential and non-referential usage of the pronoun «my» («we») in various types of discourses, which are differentiated by means of presence or absence of deictic function for the pronoun. Some variants of these kinds of usage are considered depending on the type of speech situation and denotative status of communicants.